

- себя и за жизнь своих родных и близких;
- во-вторых, с тем, что командно-принудительные методы приобрели самодовлеющее значение (меры принуждения стали преобладать над методами убеждения);
 - в-третьих, с неправильной системой воспитательной работы, которая зачастую подменялась политической агитацией и пропагандой решений партии и советского правительства.

Библиографический список

1. См.: Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924-1925 гг.). М.: Воениздат, 1958. С. 272-273.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 74. Оп. 1. Д. 143. Л. 42.
3. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.9. Оп.29. Д. 12. Л. 259.
4. Там же. Оп. 13. Д. 644. Л. 2.
5. Там же. Оп. 29. Д. 12. Л. 258.
6. Там же. Д. 14. Л. 19.
7. Там же. Оп. 36. Д. 4209. Л. 2.
8. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 119. Л. 32.
9. Известия КПСС. 1990. № 3. С.200.
10. РГВА. Ф. 9. Оп. 13. Д. 644. Л. 2.
11. Там же. Оп. 31. Д. 246. Л. 258.
12. Там же. Оп. 40. Д. 61. Л. 279.
13. См.: Там же. Оп. 33. Д. 239. Л. 400-401.
14. Известия КПСС. 1990. № 3. С.200.
15. РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 433. Л. 204.
16. Там же. Оп. 36. Д. 4206. Л. 16.
17. См.: Там же. Л. 108.
18. Там же. Л. 17.
19. См.: Там же. Л. 258.
20. Там же. Ф. 35083. Оп. 1. Д. 109. Л. 218-119.
21. Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М., 2001. С. 499.
22. РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 73. Л. 43. 46.
23. Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 320.
24. Там же. Л. 255.
25. Там же. Д. 394. Л. 116.
26. Там же. Д. 351. Л. 45.
27. См.: Партийно-политическая работа в Красной Армии: Документы. М.: Воениздат. 1981. С. 171.
28. Григорьев М. Свято блюсти революционную воинскую дисциплину//За Родину. 1939. 2 февраля. С. 3.
29. РГВА. Ф. 9. Оп. 40. Д. 60. Л. 30-32.
30. См.: Там же. Л. 90.
31. Известия ЦК КПСС. 1990. №3. С.201.
32. См.: Партийно-политическая работа. Указ. соч. С. 172.

Т.В. Юрьева

Православные храмы северной Африки

Да благословит Господь все ваши добрые пастырские начинания, особенно же по устройению святых храмов Божиих. Очень радуется мое сердце, что в далекой Африке раздается глас Слова Божия на родном нашем славянском языке, впрочем, впервые от начала мира.

Митрополит Евлогий. Из писем в Рабат

Христианство в северной Африке имеет долгую историю, начавшуюся еще в первохристианские времена и давшую миру эфиопскую и коптскую церкви. Двадцатый век добавил к этой истории еще одну страницу, связанную с русским православием. Это история русской эмиграции и история строительства русских православных храмов там, где, кажется, их уже не могло быть – в мусульманских странах, Египте, Алжире, Тунисе и Марокко, где так же, как и во многих других странах, оказались русские люди после трагических событий революции и гражданской войны в России.

Внутри этой истории, наполненной скитаниями и лишениями, истории в прямом смысле выживания, важным моментом является постоянное и неизменное желание наших соотечественников сохранить свою культуру, несмотря ни на что оставаться русскими.

Именно поэтому даже здесь, в Северной Африке, где не было относительно комфортных, как в Европе, условий существования, русские смогли оставить свой культурный след. Они создавали общественные организации, хоры и оркестры, открывали гимназии, поликлиники, организовывали концерты и театральные представления. Русская диаспора подарила Северной Африке выдающихся художников и архитекторов. И, конечно, русские строили храмы, на чем мы остановимся более подробно.

Первой страной, где появились русские, был Египет. «Появление русской колонии в Египте относится к 1920 году, когда на пароходах из портов Новороссийска и Одессы в Порт-Саид было доставлено около 600 беженцев» [1]. Размещены были эти эмигранты в военных лагерях, которые находились в местностях Тель аль-Кебир, Сиди Бишр-Кибрит, Файед и в предместье Каира – районе Аббасия. Эти лагеря были созданы английскими властями в Египте

для турецких военнопленных и были использованы еще раз – уже для русских эмигрантов.

Несмотря на то, что беженцы не имели возможности организовать свой быт по собственному усмотрению, во всех этих лагерях, буквально с первых дней жизни там русских, были устроены походные церкви. Например, в Аббасии в одной из палаток устроили походную церковь. Необходимые церковные предметы дала поначалу греческая патриархия, а в апреле прислала некоторые предметы и Русская духовная миссия в Иерусалиме. Служил в церкви священник Поликарп Филатов [2].

В следующем лагере, в Тель аль-Кебире, таких церквей было три, поскольку лагерь по карантинным требованиям был разделен на три части. «Первым делом в каждой из трех частей лагеря в Тель аль-Кебире создали по церкви. ... церковную утварь частично привезли из церкви закрытого лагеря в Аббасии, частично – 6 серебряных изделий и полное священническое облачение – прислала русская духовная миссия в Иерусалиме. Но для трех церквей этого было совершенно недостаточно, поэтому часть утвари сделали сами из подручного материала» [3].

В «Русском лагере» в Сиди Бишр также было три церкви, которые были обустроены беженцами в бараках своими руками. Средства на их устройство собирали сами, а также они частично поступили из так называемого «Русского дома в Александрии», где жили эвакуированные из Палестины после начала Первой мировой войны сотрудники Русской Православной миссии и монахини [4]. Существовал еще один «русский лагерь» – Донского кадетского корпуса, который находился на берегу озера Тимсах, напротив Исмаилии. Так же, как и в других лагерях, в одной из палаток была создана церковь.

К сожалению, мы не можем сейчас детально восстановить облик этих пер-

вых эмигрантских церквей. Вероятно, убранство их было очень скудным, а утварь и иконы создавались на том непрофессиональном уровне, который единственно мог быть возможным в тех условиях.

Может быть, поэтому на фоне острой нехватки художественных сил именно в Египте заявляет о себе как иконописец уже достаточно известный в России художник Иван Билибин. Отплыв в 1920 году на теплоходе «Саратов» из Новороссийска, художник оказался в Александрии, в лагере для русских беженцев. После месячного карантина в лагере он перебрался в Каир, где и жил до августа 1925 года. В этот период художник достаточно много работал, и среди его произведений появляются проекты, подобные которым он не выполнял ранее. Это было несколько проектов иконостасов для православных церквей в Египте. В частности, он исполнил эскизы иконостасов и фресок для греческой госпитальной церкви в Каире и Сирийского православного храма в Александрии [5], а также для домового храма при поликлинике русских врачей в Каире. Для греческого госпиталя Билибин выполнил двойную икону Благовещения на царских вратах и две большие иконы архангелов Гавриила и Михаила [6]. Работы по эскизам Билибина в Каире были выполнены художниками С.В. Дивовым, В.Я. Рутковским, В.Н. Стрекаловским, а также достаточно известным позднее иконописцем Н.В. Савиным. Это были первые иконостасные проекты художника. Позже подобный проект иконостаса И.Я. Билибин создал для русской церкви на Ольшанском кладбище в Праге (1927). По этому сохранившемуся до сегодняшнего дня иконостасу мы можем судить об авторской манере мастера, который употребил здесь весь тот арсенал художественных средств, которые были им выработаны в период соз-

дания иллюстраций к русским народным сказкам и былинам.

Следующая страна, принявшая русских эмигрантов, – Тунис. Именно сюда, на военную базу города Бизерта, пришли, как оказалось, на последнюю стоянку корабли русского Черноморского флота.

И сегодня в Тунисе стоят две русские церкви: храм-памятник, посвященный русскому флоту, – церковь Святого благоверного князя Александра Невского в Бизерте и храм Воскресения Христова в городе Тунис. Оба этих храма появились здесь лишь в двадцатом веке, благодаря множеству русских людей, эмигрировавших сюда вместе с русским флотом.

Первый из них – храм Александра Невского – не зря назван храмом-памятником.

В русской эмиграции, которая распространилась на многие страны мира, строительство храмов-памятников получило особый смысл. Люди, «понесшие в себе Россию», строили православные храмы не только для молитвы, но и увековечивали в них память об утраченной родине.

Храм-памятник, церковь Святого благоверного князя Александра Невского в Бизерте, был посвящен русскому флоту, закончившему здесь свое существование. История русской эскадры уже достаточно хорошо описана в литературе [7].

«В эти, уже далекие, тридцатые годы для тунисских беженцев жизнь, как всегда, тесно была связана с церковью. Проданные на слом корабли были еще у всех на уме. Так зародилась у моряков мысль построить часовню в память последней эскадры под Андреевским флагом. ...Комитет обратился ко всем русским в изгнании, и в особенности к бывшим бизертянам, призывая их помочь построить памятник последним черноморским кораблям. Постройка началась в 1937 году, закончилась до вой-

ны 1939 года...» [8]. Строилась церковь по проекту и под руководством военного инженера полковника Н.С. Сухожеевского.

Освящение храма состоялось 10 сентября 1938 года. Наверное, не случайно для посвящения храма было выбрано славное имя Александра Невского, который, помимо того, что был русским святым и русским полководцем, также почитался русской православной церковью как защитник от междуусобной брани, что как никогда было актуально в те послереволюционные годы, расколовшие русское общество. Кроме того, храм Александра Невского в Бизерте, несмотря на столь тяжелые обстоятельства, продолжал традицию строительства храмов этого посвящения, сложившуюся в России XVIII – XIX веков [9].

Все в этом храме наполнено идеей увековечения славы русского оружия, его морской гордости и чести. Морская символика присутствует уже на подступах к храму. Еще издали можно увидеть изображения корабельных якорей, украшающие церковную ограду.

На стенах внутри храма памятные доски. Центральная – в память русских кораблей – навсегда запечатлела их названия. По сторонам от нее – две доски, посвященные русским морякам – офицерам, закончившим свой жизненный путь, как и их корабли, в Бизерте. Это командующий русской черноморской военной эскадрой в Бизерте в 1920-1924 годах контр-адмирал Михаил Андреевич Беренс (1879-1943 г.) и русского императорского флота старший лейтенант Александр Сергеевич Манштейн (1888-1964 г.). «Родина помнит о вас» – написано в нижней части каждой из этих памятных досок.

Небольшой по размерам храм имеет, соответственно, небольшой, одноярусный иконостас. Так же, как во многих других небольших иконостасах, созданных в эмиграции, часть икон по-

ставлена в вынесенных вперед киотах. Это касается прежде всего главной иконы местного ряда, образа святого, которому посвящен храм.

Самые необычные в этом храме – Царские врата, и не столько они, сколько завеса, которая полагается к ним. В бизертском храме эта завеса сделана из Андреевского флага, который напоминает всем входящим об особом посвящении этой церкви.

Как сообщила мне в личной беседе Анастасия Александровна Ширинская, единственный живой свидетель тех событий [10], иконостас был построен по рисунку А. Бенуа. Иконы иконостаса и двух евангелистов исполнены А.Э. Чепегой, малые иконы иконостаса – В.Н. Зверевым, икона «Тайная вечеря» – Г.М. Янушевским. Икону святого благоверного князя Александра Невского в правом киоте написал сын директора бизертского Морского корпуса вице-адмирала Герасимова В.А. Герасимов, крест над киотом – работы А.С. Манштейна. В храме находятся также две иконы, написанные княгиней Е.С. Львовой, одной из лучших иконописцев общества «Икона» в Париже. Это образ святого князя Владимира в левом киоте (парный образу св. князя Александра Невского), а также отдельно стоящий образ святых Елены и Константина.

Помимо икон храм украшают три фрески, появившиеся в храме несколько позже: это сюжет Рождества на северной стене, Крещения, Распятия и Воскресения – на южной. Западная стена украшена фреской, изображающей Рай Господень, где в центре на троне восседает Богородица с архангелами Михаилом и Гавриилом по сторонам, по правую руку мы видим сюжет «Люно Авраамово», а по левую изображены Райские Врата, святой Петр с ключами и вереница праведников, спешащих к ним. Купол храма выкрашен голубой лазурью, в четырех парусах по тради-

ции помещены образы четырех евангелистов.

В храме хранятся многие реликвии, связанные с русским флотом. Инженер А.П. Клягин передал в храм много предметов с «Генерала Алексева», одного из кораблей эскадры, купленного им. Это люстры, якоря, мраморные плиты.

Над входом в церковь надпись: «Блаженны изгнаны правды ради, яко тех есть царство небесное». Воистину воздастся тем, кто в годы безвременья и гонений сохранил память, веру, любовь к ближнему и надежду на будущее.

До того, как в Бизерте был построен храм-памятник Александра Невского, службы проводились сначала в корабельной церкви на «Георгии Победоносце», а когда эскадра была окончательно уничтожена – в комнате одного из домов, где жили русские эмигранты.

Но был в Бизерте и еще один храм – церковь Севастопольского морского кадетского корпуса, устроенная в месте его расположения – одном из помещений форта Джебель-Кебир. Это храм Киприана Карфагенского.

Настоятелем этого храма был протоиерей Георгий Спасский. Храм был устроен с помощью икон и утвари, взятых с одного из кораблей, вероятно – с «Кронштадта».

«Гирлянды из туи и цветов украшали белый иконостас с Царскими вратами. Справа и слева две белых хоругви и знаменитый андреевский флаг. Белые покрывала на аналоях сшиты из бязи и золотых позументов, паникадило из жести. Через узкую бойницу падает луч солнца на Тайную вечерю над Царскими вратами. Иконостас был взят с эскадры. Плащаница, венцы, хоругви, иконы делались местными художниками. Ризы и церковные облачения шили дамы. У правого клироса, в особом киоте, располагалась местная икона Богородицы «Светлая обитель странников бездомных». Она была написана в лаге-

ре Сфаят и являлась религиозным символом утешения русских изгнанников» [11].

После расформирования эскадры храм прекратил свое существование, и судьба храмового имущества остается сегодня неизвестной. Но жизнь иногда подбрасывает нам неожиданные вопросы, задает загадки. Так произошло и с иконостасом в храме форта Джебель-Кебир. Подобный ему иконостас стоит в храме в местечке Ужин в Альпах во Франции. В этом маленьком городке в свое время проживало около 1700 русских, приехавших сюда в поисках работы в первые годы эмиграции. Они организовали общину св. Николая и построили храм, посвященный этому святому [12]. Сейчас уже трудно сказать, как и когда появился в этой церкви белый иконостас, написанный в традиции девятнадцатого века. Известно было лишь то, что этот иконостас происходит с какого-то русского военного корабля. Трехрядный, с Тайной вечерей над Царскими вратами, он и на самом деле очень похож на иконостас, стоявший в корабельной церкви на транспорте «Кронштадт». Схожесть эту установил Александр Владимирович Плотто, парижский историк Русского флота, как его называют. Сравнив имеющуюся у него фотографию корабельного иконостаса с тем иконостасом, который находится в Никольской церкви в Ужине, он высказал предположение о его корабельном происхождении. Но остается неизвестным, тот ли это иконостас на самом деле или были на русских кораблях подобные ему, один из которых и мог попасть сюда, в Альпы. По крайней мере, мы и сейчас можем видеть этот иконостас и по нему составить себе частичное представление об интерьере одной из утраченных бизертских церквей.

Второй из сохранившихся до сегодняшнего дня тунниских храмов – это церковь Воскресения Христова в столице страны, г. Тунис. Появился он далеко

не сразу, от строительства храма Александра Невского в Бизерте дату освящения Воскресенского храма отделяет несколько десятилетий.

До строительства церкви русские жители Туниса собирались на литургию в так называемом доме Бабуша. Как пишет А.А. Ширинская, «был в Тунисе на улице Селье, № 60, большой арабский дом, многочисленные комнаты которого выходили на внутренний двор. ...В самой большой комнате был алтарь. Когда места не хватало, люди молились во дворе. ...Русская церковь на авеню Мухаммеда V будет построена лишь только в пятидесятые годы» [13]. В личной беседе Анастасия Александровна рассказала замечательную историю о приобретении этого дома. Некий араб Бабуш продавал его, но денег у русской общины не хватало, и когда хозяин дома в процессе торга узнал, что этот дом нужен покупателям для молитвы, то просто подарил его им.

Закладка храма Воскресения Христова в Тунисе состоялась 11 октября 1953 года. Этот храм должен был стать кафедральным для всего Магриба. Построенный по проекту М. Козмина и Е. Логодовского, храм был освящен в 1955 году.

Автор проекта этого храма, Михаил Федорович Козмин, родился 7 апреля 1901 года в Гродненской губернии в дворянской семье. После октябрьского переворота воевал в Белой армии, потом эмигрировал и продолжил образование в Белградском университете. Там изучал архитектуру у таких известных русских преподавателей, как Самойлов, Краснов, Папков, Васильев. Участвовал в реконструкции Белграда, в частности, спроектировал в этом городе министерство строительства. В течение военных и послевоенных лет он долго оставался без работы и поэтому в конце концов отправился в Тунис, где ему предоставили пост главного архитектора страны. После того, как Тунис обрел независи-

мость, М.Ф. Козмин стал одним из ведущих архитекторов президента Хабиба Бургиба и, в частности, построил ему летнюю резиденцию. Среди множества сделанных архитектором объектов был и проект русского храма Воскресения Христова в городе Тунис. В нем Козмин «обратился к русской средневековой архитектуре и возродил ее элегантную строгость, величественное изящество» [14]. Архитектура этой церкви восходит к тем образцам русской храмовой архитектуры, которые уже стали знаковыми, символическими. Используя технологии и возможности XX века, архитектор создает образ, перекликающийся с новгородской и владимирской архитектурными школами. Как отмечают те, кто бывал на авеню Мухаммеда V, удивительно видеть голубой луковичный купол с православным крестом, возвышающийся над африканскими пальмами.

Интерьер храма не имеет фресковой росписи, стены его остались белыми, поэтому главным украшением храма являются его иконостас и иконы.

Иконостас Воскресенской церкви представляет собой ряд местных икон с царскими вратами в центре, увенчанный четырьмя круглыми медальонами с изображением евангелистов. В центре – образ Спаса Вседержителя.

Как утверждает Галина Александровна Махрова, иконостас в эту церковь был перенесен с корабля «Георгий Победоносец» [15]. Несмотря на то, что стиль живописи этих икон восходит к традиции XIX века, вопрос о происхождении иконостаса остается невыясненным. Дело в том, что вид этого иконостаса не совпадает с фотографиями церкви на «Георгии», что заставляет усомниться в вышеуказанном предположении. К сожалению, ушла из жизни и сама Галина Александровна Махрова, которая могла бы что-то разъяснить. Единственное, что мы знаем о судьбе иконостаса с Георгия, это то, что после

расформирования эскадры, когда службы проводились в домовом храме по адресу rue Anjou, прот. Иоанникий Полетаев перенес корабельный иконостас туда. Это было в 1924 году.

В начале статьи были упомянуты еще две североафриканские страны, ставшие убежищем для русской эмиграции. Это Алжир, где так же, как и в Тунисе, существовало два русских православных храма (храм Андрея Первозванного и храм св. Троицы), и Марокко, где была большая русская диаспора. Здесь насчитывается самое большое количество русских храмов: храм Воскресения Христова и храм второго прихода РПЦЗ в Рабате, домовый храм святителя Киприана Карфагенского в Танжере, часовня Сергия Радонежского в Мараккеше, храм св. Троицы в Бурна-

зеле (Касабланка), храм св. Троицы в г. Курибге и Успенский храм в Касабланке. История русских православных храмов и приходов, находящихся в Марокко, требует отдельного и подробного рассмотрения.

Таким образом, в довершение сказанного хочется отметить, что история русских православных храмов в Северной Африке – это еще одна уходящая страница нашего прошлого. Мы лишь обозначили круг памятников, которые требуют дальнейшего исследования. История русской эмиграции в Северной Африке еще раз доказывает необходимость ее включения в целостную историю культуры русской эмиграции, которая является неотъемлемой частью как русской, так и общемировой культуры.

Примечания

1. Игумен Ростислав (В.Е. Колупаев) Под солнцем Африки // Военно-исторический архив. 2004. № 1 (49). С.7.
2. Беляков В.В. «К берегам священным Нила...». Русские в Египте. М., 2003. С.140.
3. Там же. С.150.
4. Там же. С.156.
5. Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции. Биографический словарь. СПб., 1994.С.83.
6. Беляков В.В. «К берегам священным Нила...». Русские в Египте. М., 2003. С.208.
7. См., например: Узники Бизерты: документальные повести о жизни русских моряков в Африке в 1920-25 гг. М., 1998; Черкасов-Георгиевский В.Г. Русский храм на чужбине. М., 2003. Гл. Африканские форты. С. 211-229; Ширинская А.А. Бизерта. Последняя стоянка. СПб., 2003.
8. Ширинская А.А. Бизерта. Последняя стоянка. СПб., 2003. С.286.
9. Можно перечислить следующие храмы: деревянная церковь во имя Святого благоверного князя Александра Невского в Усть-Ижоре (1711 г.); Александро-Невский собор в Ижевске (1823 г.); Александро-Невский кафедральный собор в Саратове (1824 г.); церковь Святого Александра Невского в Германии (1826-1830 гг.); храм Святого Александра Невского в Париже (1859-1861гг.); храм Святого Александра Невского в Софии (1877-1878); собор Александра Невского в Нижнем Новгороде (1881 г.); церковь Святого Александра Невского в Кургане (1902 г.); часовня Святого Александра Невского в Ярославле (1892 г.).
10. Кроме автобиографической книги, указанной выше, об Анастасии Александровне Ширинской можно прочитать в: Махрова Г.А. Мой Тунис. М., 2002. С.38-43, 109-110; Беляков В. Одна на весь Тунис. В гостях у Анастасии Ширинской // Путешествие по свету. 2004. № 10. С.2-7.
11. Берг В. Последние гардемарины. Париж, 1931.
12. Jaffrennou E. Giraudy V. Les Russes d'Ugine et l'église Orthodoxe saint-Nicolas.
13. Ширинская А.А. Бизерта. Последняя стоянка. СПб., 2003. С. 242-243.
14. Черкасов-Георгиевский В.Г. Русский храм на чужбине. М., 2003. С. 225.
15. Махрова Г.А. Мой Тунис. М., 2002. С.39.